
Ник Колд
Том 1 ЦЕНА ВЕЧНОСТИ.
Хроники клятвопреступника

Ник Колд

Том 1 ЦЕНА ВЕЧНОСТИ. Хроники клятвопреступника

https://litres.ru/74382673
SelfPub; 2026

Аннотация

«Цена Вечности. Хроники клятвопреступника»

Древняя Печать, сдерживающая демонов Хаоса, трещит по швам. Мир людей замер в удушливом ожидании конца, а в заброшенной Цитадели Воронов рыцарь Элиас судорожно перебирает мертвые манускрипты. Ответ прост и страшен: чтобы восстановить Печать, нужно собрать четыре артефакта Первых Рас.

Но в этом гибнущем мире больше нет места чистым подвигам. Каждая раса хранит свою правду, и за каждый шаг Элиасу придется платить чужой кровью и собственной честью. Купленная у ведьмы карта потребует предательства. Кровь дракона придется забрать у немощного калеки. Эльфийский артефакт окажется ключом от их вековой тюрьмы, а людской Скипетр — оковами на запястье безумного короля.

Сэр Элиас дойдет до Разлома. Он спасет человечество. Но какую цену заплатит воин, вынужденный стать чудовищем ради спасения тех, кто навсегда запомнит его палачом?

Мрачная фэнтези-повесть о том, что у высшего блага всегда грязные руки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ник Колд
Том 1 ЦЕНА ВЕЧНОСТИ. Хроники клятвопреступника

Глава 1

ЦИТАДЕЛЬ ВОРОНОВ

Холод пробирался под доспехи изнутри, а не снаружи. Этот холод не имел отношения к заморозкам или северным ветрам, которые в этот год пришли на пограничье на два месяца раньше срока. Это был внутренний, липкий холод, и сэр Элиас знал, что его источник лежит в трех лигах к югу от Цитадели Воронов — там, где извечно зиял бездонный Разлом.

Древняя Печать трещала по швам. Звука не было. Великий заслон Первых Правителей не был куском гранита или кованой сталью, он был соткан из чистой воли, и потому его разрушение отзывалось не грохотом, а затяжным, вибрирующим зудом под самыми ребрами каждого живого существа. Люди просыпались посреди ночи в холодном поту, хватаясь

за грудь, кони в стойлах испуганно грызли деревянные кормушки, а цепные псы выли, задрав морды к бледному, увядающему небу.

Мир вокруг замер в удушливом, липком ожидании, словно вся природа затаила дыхание перед неизбежной казнью. Тревога буквально висела в воздухе, и она была почти осязаемой. Она въедалась под кожу вместе с дорожной пылью, отравляла глубокие колодцы, заставляя чистую воду пахнуть тухлым железом, и приводила к тому, что парное молоко скисало в глиняных крынках всего за пару часов после дойки.

В замковом посаде, жавшемся к серым оборонительным стенам Цитадели, люди ходили сумрачные, с серыми, осунувшимися лицами и тяжелыми, воспаленными глазами. Страх лишал их сна, а бессонница рождала чудовищ. Элиас видел это из окон своей башни: достаточно было одной случайной искры, глупого слова на рынке, неосторожного толчка плечом в трактире — и измученные паникой люди срывались. Мужчины хватались за вилы и топоры. Брат шел на брата, сосед поджигал дом соседа, просто не выдерживая этого страшного, нарастающего с каждым часом давления. Мир сходил с ума, и безумие это было преддверием Хаоса.

А в холодном, пахнущем сыростью и старыми свечами зале библиотеки рыцарь Элиас судорожно, до боли в суставах перебирал старые, покрытые вековой серой пылью манускрипты. Он не спал третьи сутки. Его глаза покраснели

от едкой копоти сальных свечей и постоянного напряжения, а ладони, затянутые в черную, потертую латную кожу перчаток, заметно дрожали. Железо его налокотников глухо и раздражающе стучало по дубовому столу каждый раз, когда он переворачивал очередную страницу. Пергамент был настолько хрупким от времени, что края его крошились под пальцами, оставляя на темном дереве мелкую желтую крошку и грязные, сальные следы.

Элиас лихорадочно искал ответы. Он читал до боли в висках, вчитываясь в полузабытые руны, чертежи Первых Правителей, хроники Великой войны и крупицы сведений о магии драконов, эльфов и гномов. Ему нужны были формулы, ритуалы, хоть какие-то советы предков, сумевших когда-то запереть Бездну. Но выхода, казалось, не было. Слишком много веков прошло. Древние слова расплывались перед глазами, превращаясь в бессмысленные черные петли и пятна плесени. Забытые артефакты, способные удержать содрогающуюся землю, давно превратились в сказки, которые пьяные лютнисты распевали в придорожных кабаках за кружку дешевого эля. А они были так нужны сейчас! Господи, как же они были нужны в этой пустой, Богом забытой и замерзающей крепости.

Элиас никогда не чувствовал себя избранным. В героических балладах спасители человечества всегда были широкоплечими, светловолосыми юношами с безупречной честью, горящим взором и мечами, сияющими солнечным светом.

Элиас же был уставшим, прагматичным воином тридцати пяти лет. Его лицо было обветренным, на левой брови белел старый шрам от орочьего топора, а характер за годы службы на пограничье стал тяжелым, замкнутым и колючим, как кусты терновника. Единственное, чего ему искренне хотелось в эти темные дни — отдать приказ запереть тяжелые кованые ворота на все засовы, опустить решетки, выставить на стены тройные караулы из самых преданных гвардейцев и попытаться отсидеться за метровой каменной кладкой цитадели. Пусть мир снаружи горит синим пламенем, лишь бы его люди, его гарнизон пережили эту бурю.

Но знамения кричали о том, что отсидеться не удастся. От Разлома дули неестественно черные, ледяные ветра, приносившие в замок стойкий запах паленой шерсти, серы и озона. Черные птицы — огромные, уродливые вороны с неестественно длинными клювами — десятками падали замертво прямо на камни внутреннего двора. А по ночам в лесной чаще выли волки. И этот вой не был звериным — в нем слышались членораздельные, пугающие интонации, похожие на далекий человеческий плач или заупокойную молитву. Ждать внутри замка означало просто добровольно выбрать место для собственной братской могилы.

Поняв, что мертвые книги молчат, Элиас решился на крайний, безумный шаг, от которого его покойный наставник пришел бы в ужас. Он вспомнил слухи о болотной ведьме Изольде — существе, которое, если верить рассказам ста-

рых следопытов, застало еще те времена, когда драконы закрывали своими крыльями солнце. Три дня назад его дозорные поймали её у подножия стен. Она была истощена, измучена, пряталась в гнилой, заросшей ряской воде замкового рва. Суеверные солдаты хотели забить её камнями, посчитав предвестницей скорой гибели, но Элиас приказал оставить её там, приковав тяжелыми железными цепями к прогнившему бревну у самой кромки тумана, чтобы расспросить лично.

Спустившись по склизкой, покрытой зеленым мхом каменной лестнице к рву, рыцарь почувствовал, как тяжелый, удушливый запах гнили и болотного газа ударил в нос сквозь прорези шлема. Вода здесь казалась черной, маслянистой и совершенно мертвой — в ней не плавали даже жуки. Ведьма сидела неподвижно, низко опустив голову. Ее изорванный серый плащ промок насквозь и облепил худые плечи, длинные спутанные волосы были перепачканы в болотной тине, а пальцы с длинными, потрескавшимися ногтями судорожно сжимали гнилую древесину бревна.

Но когда железо его сапог с тяжелым хрустом наступило на прибрежную гальку, она медленно подняла голову. В ее глазах отражалась такая смертная, бездонная усталость, какую может накопить только живое существо, бегущее от наползающего Хаоса целую вечность.

— Ты все-таки пришел за ответами, рыцарь? — ее голос был тихим, хриплым, но отчетливым. Он пробирал до самых

костей, перекрывая тихий плеск гнилой воды. — Книги твоих мертвых предков больше не защитят этот мир. Их писали трусы, которые запечатали Бездну и думали, что их глупая Печать простоит вечно. Она разрушается, Элиас. Стены твоей крепости станут твоей могилой.

— Мне нужны не твои пророчества и не твоя жалость, ведьма, — отрезал рыцарь, инстинктивно положив ладонь в железной перчатке на холодный, привычный эфес меча. — Ты знаешь, как укрепить Печать. Ты знаешь, где искать артефакты четырех рас, которые её создали. Говори цену. У меня мало времени.

Изольда горько, сухо усмехнулась, обнажив ровные, пугающе белые зубы. На ее бледном, исхудавшем лице эта усмешка выглядела уродливо и зловеще.

— Ничто в этом мире не дается даром, Элиас. Особенно спасение. Золото мне ни к чему, его не съешь в Бездне, а твои серебряные монеты не остановят демонов. Ведьма не станет помогать рыцарю просто из милосердия, вы слишком долго жгли нас на кострах. Нам нужно сторговаться. Но моя цена тебе не понравится. Ты готов платить не кошельком, а своей чистой, непорочной рыцарской совестью? Ты готов замарать руки?

— Говори цену, — процедил он сквозь зубы, делая шаг вперед и чувствуя, как болотная жижа чавкает под его тяжелыми сапогами. Воздух вокруг них внезапно стал ледяным, а изо рта пошел густой белый пар.

Ведьма подалась вперед, насколько позволяли ржавые цепи. Металл зазвенел, впиваясь в её тонкие, покрытые синяками запястья. Ее пустые, абсолютно черные глаза, в которых не было ни зрачков, ни белков, впились прямо в лицо рыцаря, словно заглядывая в самую его душу.

— Чтобы заделать брешь в Печати, нужна древняя сила Первых Правителей. Но чтобы активировать её, тебе потребуется нарушить то, на чем держится твоя собственная сила. Клятвопреступление. Твой орден присягал защищать эти рубежи и никогда, слышишь меня, никогда не опускать Великую Печать ниже человеческой жизни. Твоя клятва — монолит, на котором стоит вся эта Цитадель. Разбей её. Назови мне тайное имя стража Разлома, предай его, отдав его душу Хаосу в уплату за проход к артефактам. Соверши грех, который выжжет твое сердце дотла, рыцарь. И тогда я дам тебе карту. Если нет — уходи. Оставь свою душу чистой, возвращайся в свою башню и смотри, как демоны сожрут твой замок вместе со всеми твоими людьми. Что ты выберешь, праведник?

Элиас замер. Каждое слово ведьмы падало в черную воду рва с тяжелым, ментальным грохотом, разбивая его прежний мир вдребезги. Перед ним встал страшный, уродливый выбор: остаться верным присяге, уйти без греха, сохранив безупречную рыцарскую гордость, но обречь всё живое на гарантированную гибель. Или предать всё, во что он верил с самой юности, растоптать священную клятву, стать клят-

вопреступником, но получить призрачный, безумный шанс спасти человечество.

Рыцарь медленно повернул голову и посмотрел на темные, высокие окна Цитадели Воронов. Там, за этими стенами, сейчас спали его солдаты, повара, кузнецы и конюхи. Они верили ему. Они думали, что его железный доспех защитит их от любой беды.

Внутри Элиаса что-то с сухим, отчетливым треском сломалось, хороня под обломками прежнего благородного идеалиста. Спасение мира не бывает чистым. Чтобы спасти свет, нужно научиться дышать во тьме.

— Забирай мою клятву, — глухо, почти безжизненно произнес Элиас, расстегивая тяжелые ремни своих наплечников, словно они внезапно стали ему малы и начали душить. — Стража зовут Бертрам. Он стоит на самом дальнем, южном посту у Разлома. Забирай его душу Тьме, если это цена за твою карту.

Изольда страшно, торжествующе улыбнулась, и в её черных глазах на мгновение вспыхнул зловещий огонек. Она запустила руку в складки своего мокрого плаща и вытащила пожелтевший, скрученный свиток, обтянутый грубой человеческой кожей.

— Твое падение спасет этот мир, клятвопреступник, — тихо, со свистом прошептала она, протягивая ему карту тонкими, дрожащими пальцами. — На ближайшие семь дней. У тебя есть ровно неделя, пока Печать не рухнет окончательно

и Бездна не поглотит солнце. Поторопись, сэр Элиас. Твой первый грех уже записан на небесах.

Глава 2

ПУТЬ ИУДЫ

Тяжелая дубовая дверь библиотеки захлопнулась за спиной Элиаса с глухим, гробовым стуком. Этот звук эхом покатился по гулким, бесконечным коридорам Цитадели Воронов, и рыцарю на мгновение показалось, что это захлопнулась крышка его собственного гроба. Свиток Изольды, обтянутый грубой, сухой человеческой кожей, лежал в его руке. Он казался неестественно тяжелым и горячим, словно внутри него все еще бился чужой, украденный пульс.

В коридорах замка царил ледяной, полумертвый полумрак. Факелы в железных настенных кольцах коптили, испуганно прижимая языки пламени к закопченному камню. Сквозь узкие бойницы стен пробивался неестественный, сизый свет угасающего дня. Туман, выползающий со стороны Разлома, уже перевалил через оборонительные зубцы и теперь лениво, удушливо стелился по полу, затекая под кованые сапоги рыцаря.

Элиас шел к своей оружейной палате, и каждый его шаг отзывался в ушах колокольным звоном. Навстречу ему, прижимаясь к стенам и испуганно опуская глаза, попадались редкие слуги. Никто не заговаривал с ним. За последние дни лицо коменданта превратилось в каменную маску, и люди инстинктивно чуяли: от их командира теперь пахнет не про-

сто дорожной пылью и сталью, а чем-то зловещим и неотвратимым.

Внезапно в конце галереи послышался быстрый, неровный стук латных сапог. Из тумана выбежал молодой лейтенант дозора. Его лицо было бледным, как пергамент, губы дрожали, а нагрудный доспех был испачкан черной, липкой болотной гнилью.

— Сэр Элиас! — задыхаясь, выкрикнул юноша, падая на одно колено и тяжело опираясь на ножны меча. — На дальнем южном посту... На заставе у Разлома... Случилось что-то ужасное!

Рыцарь замер. Сердце в его груди совершило тяжелый, болезненный кувырок, но внешне он даже не дрогнул. Лишь пальцы сильнее сжали кожаный свиток ведьмы.

— Докладывай, — глухо, мертвенно-спокойно произнес он.

— Сэр Бертрам... старый мастер оружия, — лейтенант сглотнул вязкую слюну, его глаза расширились от пережитого кошмара. — Мы нашли его час назад. Он... он стоял на самом краю обрыва Бездны. Дозорные говорят, Тьма просто соткалась из воздуха вокруг него. Нам показалось, что Разлом выдохнул черное пламя. Бертрам кричал так, словно его душу выжигали каленым железом. Когда мы пробились к нему сквозь туман, демонов уже не было. Но... но его левая рука... она была сожжена до самого плеча, превратившись в черный уголь. А сам он... он полностью лишился рассуд-

ка. Он бредит, сэр Элиас! Постоянно повторяет ваше имя и кричит, что его предали за кусок мертвой кожи!

Элиас закрыл глаза под забралом. В ушах зашумела кровь. *Бертрам*. Старый, верный наставник, который учил его держать меч, когда Элиас был еще безусым мальчишкой. Человек, который никогда не сомневался в чести своего командира. Элиас лично отправил его на этот дальний пост вчера вечером, зная, что именно Бертрам никогда не покинет караул без приказа. Он отдал его душу Хаосу ради карты. Иуда продал Христа за тридцать серебреников, а он продал отца своего ордена за клочок пергамента.

— Сэр Элиас? Что нам делать? — умоляюще спросил лейтенант, заглядывая в темные прорези шлема рыцаря. — Велеть седлать коней? Искать ведьму, что сидит во рву? Это её проклятие, я уверен!

— Нет, — Элиас открыл глаза. В них больше не было сомнений, только холодная, звенящая пустота. — Ведьма больше не во рву. Я лично освободил её.

Лейтенант оцепенел, его рот глупо приоткрылся, но рыцарь не дал ему опомниться.

— Бертрама перевести в лазарет. Заковать в кандалы, если начнет буйствовать. Гарнизону оставаться на стенах. Ворота запереть, решетки опустить. Слушать приказы старпома. Я покидаю Цитадель.

— Но... куда, сэр? Один? В такой туман?

— Не один, — Элиас развернулся и зашагал прочь, бросив

через плечо: — Смерть идет за этим миром, лейтенант. И я собираюсь встретить её на полпути.

Через час Элиас стоял у задних, потайных ворот Цитадели Воронов, ведущих прямиком к Выжженным землям. Его боевой чалый мерин, привыкший к весу тяжелого всадника, беспокойно перебирал ногами, чуя наползающий с юга холод. Позади коня, на худой, костлявой кобыле серого цвета, сидела Изольда. Цепи с неё были сняты, но её изорванный плащ всё так же пах болотной гнилью. Длинные мокрые волосы закрывали лицо, и только в темноте капюшона тускло, как два тлеющих угля, мерцали абсолютно черные глаза.

Рыцарь тяжело взлетел в седло. Железо его доспехов звякнуло о луку луки. Он не обернулся назад, на стены замка, где остался умирать его искалеченный наставник и сходить с ума его гарнизон.

— Ты ведешь, ведьма, — бросил Элиас, выравнивая поводья. — Карта у меня, но дорогу к Чертогу Драконов знаешь только ты.

Изольда тихо, уродливо рассмеялась. Ее кобыла сделала первый шаг вперед, уходя в липкий, сизый туман пограничья.

— О, сэр Элиас, — прошептала она, и её голос полетел над мертвой травой, словно шорох змеиной чешуи. — Мы славно прокатимся. Клятвопреступник и ведьма — лучшая компания для мира, который решил сдохнуть. Ты думаешь, что Бертрам — это твоя самая страшная плата? Нет, рыцарь.

Это был лишь первый шаг. Самое веселое начнется тогда, когда ты поймешь, что твоя чистая, святая человеческая раса — это единственное, что по-настоящему заслуживает уничтожения в этой Бездне.

Они ехали молча сквозь черные, ледяные ветра. Позади них Цитадель Воронов медленно растворялась в тумане, превращаясь в призрачный каменный склеп. Дорога на юг, к Выжженным землям, открылась перед ними, и с каждым шагом коней небо над головой становилось всё более багровым, словно наливаясь свежей, не успевшей запечься кровью. Часы Бездны начали свой финальный, беспощадный отсчет. У этого мира оставалось ровно семь дней.

Глава 3

ЧЕРТОГ ПЕПЛА

Граница между обитаемыми землями и Выжженными пустошами напоминала незаживающий, обугленный шрам. На исходе третьего дня пути сизый пограничный туман позади них внезапно истончился, словно испугавшись чего-то, и путники ступили на мертвую территорию Драконов . Погода изменилась мгновенно: ледяной ветер Разлома сменился удушливым, неподвижным зноем . Земля здесь больше не рождала траву — под копытами лошадей простиралась бескрайняя равнина, покрытая толстым слоем тяжелого, серого пепла, который взлетал при каждом шаге, оседая на вороненой стали доспехов Элиаса .

Воздух стал сухим, горячим и плотным, как в кузнечном цеху . Он обжигал ноздри, дышать в железном шлеме становилось всё труднее . Пахло старой окалиной, едкой серой и тухлым железом . Элиас чувствовал, как под шерстяным поддоспешником липкий пот градом катится по спине, а кожа под железными рукавицами зудит от удушливой жары . Боевой чалый мерин рыцаря тяжело хрипел, его бока ходили ходуном, а подковы изредка со звоном высекали искры из оплавленных гранитных валунов, скрытых под пеплом .

Они ехали на юг несколько часов в полнейшем, изнуряющем безмолвии . Ведьма двигалась чуть впереди, её серая

кобыла ступала по пеплу бесшумно, точно фантом.

— Скажи мне, клятвопреступник, — Изольда внезапно придержала поводья, выравнивая свою лошадь с конем Элиаса . Она не повернула головы, её взгляд по-прежнему был устремлен на далекий багровый горизонт . — Твоя совесть еще не выжгла тебе нутро? Каково это — знать, что твой наставник сейчас пускает слюни в кандалах из-за твоей великой миссии?

Элиас молчал, крепче сжимая кожаные поводья в латной рукавице . Металл перчатки глухо заскрипел.

— Моя совесть принадлежит моему ордену, ведьма, — процедил он сквозь зубы . Его собственный голос показался ему чужим и сухим, словно потрескавшаяся земля под ногами . — Я делаю то, что должен, чтобы спасти живых .

— Спасти живых? — Изольда горько, хрипло рассмеялась, и этот смех заставил чалого мерина испуганно прянуть ушами . — Какое высокомерие! Вы, люди, похожи на паразитов. Вы плодитесь на руинах чужого величия и называете это миром . Драконы правили этим небом тысячи лет, их магия держала небесный свод . Где они теперь? Сгнили. Их Чертог превратился в пепелище, потому что ваши первые короли захотели безопасности . Вы заперли Бездну, отрезав этот мир от первородных токов силы . И теперь всё увядает . Ты думаешь, что лечишь рану, Элиас? Нет. Ты просто затягиваешь удавку на шее тех, кто был здесь до вас.

— Если Печать рухнет, демоны Хаоса сожрут и нас, и те-

бя, — отрезал рыцарь .

— Хаос — это просто изначальный порядок, из которого ваши маги сотворили эту уродливую, жесткую клетку, — Изольда повернула к нему лицо. Из-под глубокого капюшона на рыцаря уставились пустые чёрные глаза, в которых тускло отражался багровый свет неба . — Но ты прав в одном: пути назад у нас нет . Вон там, впереди, смотри .

Элиас поднял взгляд. Сквозь марево горячего воздуха впереди выросли циклопические, полуразрушенные колонны из черного обсидиана . Это был Чертог Драконов . Огромные арки, некогда способные вместить крылатых владык, теперь сиротливо уходили в небо, словно ребра колоссального скелета, наполовину занесенного пеплом . Здесь не было ни знамен, ни стражи, ни величия . Только тлен, тишина и запах гари .

Они спешились у входа в огромную пещеру, скрытую под нависающим обломком скалы . Элиас обнажил свой полуторараручный меч — сталь клинка тускло блеснула в багровых полутонах Выжженных земель . Шаг под своды пещеры отозвался гулким эхом .

В самой глубине подземелья, у затухающего костра, сидел человек . Контраст между масштабом Чертога и этим жалким существом был уродливым . На мужчине не было ни доспехов, ни гордой осанки . Это был исхудавший до костей калека в грязном, покрытом пятнами сажи рубище . Его левая рука была полностью покрыта грубой, усыхающей золо-

той чешуёй . Чешуя не выглядела защитой — она казалась страшной коростой, которая стягивала плоть, заставляя гноиться кожу на стыках пластин . Мужчина тяжело, со свистом дышал, и при каждом его выдохе из уродливых шрамов на шее вырывались струйки горького дыма.

Это и был последний потомок Дракона.

— Еще один праведник в железной коробке, — хрипло, со скрежетом произнес калека, даже не подняв головы в сторону Элиаса . Его голос напоминал шуршание сухой чешуи по камням . — Пришел за великой миссией по спасению вселенной? Как же вы мне отвратительны . Я ненавижу это наследие . Ненавижу Печать, из-за которой мой род иссох в этих скалах, и ненавижу эту проклятую, горящую кровь в моих жилах . Убирайся назад в свой замок, рыцарь. Здесь нет ничего, кроме пепла и моей скорой смерти .

Элиас сделал тяжелый шаг вперед, чувствуя, как фляга на его поясе ждет своей уплаты . Внутренний монолог рыцаря превратился в глухой стук сердца в ушах .

«Я уже Иуда. Я уже отдал Бертрама Тьме . Теперь я стою перед умирающим калекой, в чьих жилах течет последняя сила Первых . Этот несчастный не хочет воевать . Он хочет просто сдохнуть в тишине . Но манускрипты не лгали: без живой крови дракона Печать Разлома не затянется . Мне придется забрать её . Либо силой, либо...»

— Мне нужна твоя кровь, чтобы закрыть Разлом, — глухо произнес Элиас, опуская клинок к земле, но не убирая его

в ножны . — Без неё Печать рухнет, и демоны уничтожат остатки этого мира .

— Тогда возьми её сам! — безумно, со свистом выкрикнул потомок дракона, внезапно вскакивая на ноги . Его лицо исказилось от вековой ярости и боли . Одной рукой он схватил с камней ржавый, щербатый нож и с силой швырнул его в рыцаря. Металл со звоном отскочило от нагрудника Элиаса, оставив лишь царапину на копоти . — Убей меня! Очисти этот мир от последнего уродца! Мне плевать на твою Печать и твой людской сброд!

Мужчина обессиленно упал обратно на колени перед умирающим костром, тяжело дыша и намеренно подставив худую, грязную шею под удар меча. Он искренне презирал всё, ради чего Элиас уничтожил свою рыцарскую гордость .

Рыцарь медленно поднял меч . Изольда за его спиной в темноте пещеры тихо, торжествующе усмехнулась . Элиас мог убить его прямо сейчас . Одним быстрым ударом завершить историю великого рода, замараться еще сильнее, превратившись в палача для калеки . Но его рука замерла . Слишком много грехов для одной недели.

Элиас опустил клинок . Он подошел вплотную к стоящему на коленях мужчине, перехватил свой боевой кинжал обратным хватом и молча протянул рукоять потомку дракона .

— Я не убью тебя, — глухо выговорил рыцарь сквозь прорези шлема . — Но мне нужна твоя кровь. Добровольно. Спаси мир за пределами этого пепла .

Мужчина долго, дико смотрел на стальную рукоять кинжала, а затем безумно, надрывно рассмеялся, закашлявшись дымом . Он выхватил оружие из пальцев рыцаря и с силой полоснул себя по чешуйчатому запястью левой руки .

Густая, темная, пахнущая серой и раскаленным металлом кровь хлынула из раны . Элиас быстро подставил серебряную походную флягу . Каждая капля падала внутрь с тяжелым, глухим стуком, отзываясь в груди рыцаря болью .

— Забирай, мародер! — выплюнул потомок дракона, бессильно оседая на камни пещеры и зажимая рану грязным тряпьем . — Пейте мою жизнь, спасайте свои жалкие шкуры. Ты ничем не лучше демонов Хаоса, рыцарь. Ты просто грабишь мертвецов и калек ради своего фальшивого завтра . Убирайся!

Элиас бережно закрыл флягу кованой пробкой . His латные пальцы были испачканы в чужой, пугающе горячей крови . На мгновение его захлестнула такая волна стыда, что перед глазами поплыли темные пятна . Он больше не ощущал себя благородным воином света . Он чувствовал себя подлым стервятником, который вырывает последние крохи жизни у тех, кто слабее . Вся его великая миссия теперь пахла гнилью, пеплом и чужой боли.

— Идем, — не оборачиваясь, бросил Элиас ведьме, пряча флягу в сумку .

Впереди оставалось еще пять дней пути, а от его рыцарской гордости уже не осталось ничего, кроме тяжелого се-

ребряного сосуда, горевшего сквозь ткань лат

Глава 4

ТЮРЬМА ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ

Выжженные земли неохотно, словно нехотя, отпускали путников, сменяясь увядающим королевством эльфов. Когда-то этот край в людских хрониках именовали не иначе как Золотым Лесом — краем вечной юности, где воздух дрожал от избытка первородной магии, а кроны исполинских деревьев касались облаков, улавливая свет звезд.

Реальность, представшая перед Элиасом, встретила его удушливой кладбищенской сыростью. Королевство эльфов медленно и мучительно угасало, отравленное истончающейся Печатью. Серые, иссохшие листья опадали замертво от малейшего дуновения ветра, устилая растрескавшуюся землю плотным, хрустящим ковром мертвечины. Исполинские ветви вековых дубов походили на скрюченные пальцы мертвецов, а из глубоких трещин в коре сочилась мутная, пахнущая гнилью смола.

Элиас шёл вперед, ведя уставшего коня под уздцы. Тяжелая серебряная фляга, наполненная горячей кровью потомка дракона, била по его бедру сквозь латы, точно раскаленное клеймо. Ведьма Изольда ступала следом бесшумно, словно сотканная из болотного тумана тень. Ее безмолвное, давящее присутствие лишало рыцаря последних крупиц душевного покоя. Она не произносила ни слова, но Элиас кожей

чувствовал её негласное торжество: он уже переступил черту, и дороги назад для него не было.

Владыка эльфов встретил их в полуразрушенном хрустальном дворце. Время и увядание не пощадили и это место — величественные некогда прозрачные колонны покрылись густой сетью трещин, а сквозь обвалившийся купол на мраморный пол падал блеклый, безжизненный свет умирающего солнца. На ступенях дворца, несмотря на очевидный упадок, эльфы пытались изобразить подобие празднества. Бессмертные, одетые в парчу и поблекшие шелка, сидели за столами, уставленными увядшими фруктами, и пили вино, отдающее уксусом. Это был лицемерный пир обреченных.

Сам правитель сидел на высоком троне из белого дерева. Он был изящен, бледен и пугающе спокоен. На его лице не было ни капли скорби, лишь бездонное, ледяное высокомерие существа, презирающего короткий человеческий век.

— Защитить Печать? Восстановить ритуал Первых? — Владыка эльфов внезапно рассмеялся, и этот звук был похож на хруст ломающегося льда. — Ты пришел просить об этом меня, человек? Ты обычный фанатик и жалкий параноик, ослепленный своими человеческими страхами перед темнотой. Ваш век короток, вы дрожите перед каждой тенью. Убирайся назад в свой каменный склеп. Мы не дадим тебе артефакт.

Между ними повисло тяжелое, удушливое безмолвие. В просторном зале развернулся скрытый конфликт, резавший

воздух без ножей. Владыка говорил небрежно, лениво перебирая тонкими пальцами струны лютни, лежащей на его коленях. Но Элиас видел, как в тенях хрустальных колонн бесшумно замерли эльфийские воины, плавно сжимая рукояти своих длинных тисовых луков. Они ждали лишь знака. Рыцарь молчал. Он не спорил, не умолял и не пытался доказать свою правоту. Его правая рука в латной перчатке неподвижно и тяжело лежала на эфесе меча.

— Вы погибаете вместе с этим лесом, — глухо произнес Элиас, в упор глядя на правителя сквозь прорези забрала. — Без Печати демоны Хаоса сожрут ваше королевство первым. Твой народ превратится в пепел. Почему ты слеп к знамениям? Черные волки уже рыщут у ваших границ.

Эльфийский правитель медленно поднялся со своего трона. Инструмент с тихим звоном упал на мраморные плиты. На лице Владыки проступила вековая, ядовитая злоба, копившаяся столетиями.

— Слеп здесь только ты, смертный, — процедил он, медленно спускаясь по мраморным ступеням к рыцарю. — Твои предки поют в своих жалких церквях о Великой Печати как о спасении всего живого. Но для моего народа эта Печать — проклятая вековая тюрьма! Она веками блокирует, душит и выжигает нашу истинную, первородную магию! Мы увядаем и слабеем только потому, что ваши трусливые короли заперли Бездну, отрезав нас от источника силы. Разрушение Печати — наш единственный шанс снова обрести былое вели-

чие и свободу. А ты... ты пришел просить нас укрепить стены нашей собственной темницы?

Элиас замер, словно получил сокрушительный удар милосердия прямо в грудь. Внутренний надлом едва не согнул его пополам, а воздух в зале стал невыносимо тяжелым. Он снова не был героем баллад. В глазах этих бессмертных существ он предстал жестоким врагом, безжалостным тюремщиком, который хочет навечно оставить целый народ в серой, угасающей клетке ради безопасности человечества. Спасение людей означало вечное проклятие и медленную смерть для эльфов.

— И что ты выберешь теперь, праведник? — тихо прошептала Изольда из-за его плеча. В её холодном голосе впервые скользнуло нечто, похожее на редкое, горькое сочувствие.

Элиас посмотрел на эльфийского правителя, затем на свои латные рукавицы, уже запятнанные нарушенной клятвой и горячей кровью потомка дракона. Назад дороги не было. Если для спасения его собственного вида нужно стать безжалостным чудовищем для другого — пусть будет так. Он уже замаран по локоть в этой грязи.

Рыцарь резко выхватил свой тяжелый меч. Зал мгновенно заполнился криками стражи и резким звоном натягиваемой тетивы. Но Элиас был быстрее. Одним молниеносным, яростным выпадом он вогнал полутораручный клинок в основание эльфийского алтаря, скрытого прямо под троном.

Раздался оглушительный треск — защитные чары, ковавшие реликвию, разлетелись мириадами искр.

Его левая рука в железной перчатке мертвой хваткой схватила цель — Звездную Сферу. Древний артефакт эльфов вспыхнул в его пальцах, мерцая холодным, пугающим лунным светом.

— Стреляйте! Убейте его! — выкрикнул Владыка, теряя всю свою былую надменность.

В сторону рыцаря полетел град смертоносных стрел, но Элиас, крепко прижимая Сферу к груди, уже прорывался к выходу. Сзади него ведьма Изольда вскинула руки, соткав из болотного тумана плотный защитный щит, принявший на себя первые удары. Эльфийские клинки звенели о его наплечники, стрелы ломались о сталь нагрудника, но ярость и отчаяние придали рыцарю сил.

Они уходили из Золотого Леса под яростные проклятия эльфийских воинов. Элиас тяжело дышал, сжимая в руках отвоеванный артефакт, но внутри него не было радости победы. Он чувствовал себя безжалостным палачом, который только что с силой запер замок на двери чужой тюрьмы и выбросил ключ в Бездну.

Глава 5

ПОДЗЕМНОЕ ЭХО ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫХ

Дорога неумолимо бежала вперед, увлекая рыцаря и его спутницу прочь от проклинающего их увядающего эльфийского леса. Карта, полученная от ведьмы, вела их глубоко под землю, в заброшенные шахты гномов — то самое место, где на заре времен ковалась изначальная стальная основа Великой Печати. Но минули века, былое содружество рас распалось, и теперь вокруг Элиаса были лишь глухие, осыпающиеся руины, мертвая тишина подземелий и явные, удушающие признаки того, что демоны Хаоса уже прорвались в эти темные глубины.

Внутри шахт Элиасу стало чертовски, до тошноты страшно. Тяжелый железный шлем, защищавший его в честных боях, здесь превратился в душную, звенящую ловушку. Он с трудом сдерживал собственное хриплое, паническое дыхание, которое эхом отдавалось от забрала прямо в уши. В абсолютной, осязаемой темноте подземелья все его органы чувств обострились до предела. В нос бил едкий, химический запах серы, перемешанный с тухлым, сладковатым ароматом демонической крови и могильной сыростью векового склепа.

Пальцы в латных рукавицах судорожно скользили по влажным, покрытым липкой сальной копотью стенам. Кам-

ни под сапогами едва заметно вибрировали, словно где-то в глубине горы ворочалось стоглазое слепое чудовище. Каждое падение мелкой гальки отзывалось в ушах грохотом лавины. Острые обломки породы под ногами казались скользкими от древней крови. Это совершенно точно был не сон — это был осязаемый, первобытный ад, давивший на плечи миллионами тонн горной породы.

Но чудовища не нападали. Старые гномьи ловушки молчали. Вместо этого из-за монолитной каменной стены, преграждавшей путь к сокровищнице, донесся тяжелый, прерывистый шепот сотен живых голосов. Это не были призраки или эхо прошлого. Это были старейшины кузнецов, которые веками удерживали подземный рубеж Печати силой своей непреклонной воли.

— Стой, рыцарь, — раздался из узкой трещины в темноте спокойный, полный каменной твердости голос старого мастера. — Мы знаем, зачем ты пришел. Тебе нужен Молот Первых. Но если ты заберешь его, наша великая цепь разорвется. Мы замуровали себя здесь триста лет назад. Мы добровольно отказались от солнечного света, оставили свои семьи и жизни вверху, чтобы держать эту стену собственными телами. Наша правота выкована веками страданий в этой тьме. Оставь Молот. Наш рубеж крепок, мы выстоим.

Элиас сильнее сжал рукоять меча, чувствуя, как липкий холодный пот течет по спине под поддоспешником. Внутренний монолог разрывал его голову на части. В словах подзем-

ного мастера была абсолютная, святая, непреложная истина. Гномы не были его врагами, они не были безумцами. Они были величайшими героями, честно несущими свой страшный, добровольный крест ради всеобщего блага.

— Ваш рубеж крепок здесь, внизу, — глухо ответил Элиас через забрало, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Но там, на поверхности, Печать трещит по всем швам. Черные волки воют в лесах, эльфы увядают, люди сходят с ума от ужаса и режут друг друга. Если я не соберу все четыре артефакта у Разлома и не проведу ритуал, ваш подземный подвиг потеряет всякий смысл. Хаос просто обойдет вас сверху, сквозь людские земли, и сожрет этот мир. Моя правота — это миллионы живых там, наверху. Я обязан спасти их, чего бы это ни стоило.

— А наша правота — это память о тех, кто добровольно лег в этот каменный фундамент! — в шепоте сотен гномов впервые прорезалась глубокая, чисто человеческая боль и отчаяние. — Сдернув Молот, ты обесценишь три века наших мучений. Ты сделаешь нашу жертву напрасной. Ты обречешь нас проснуться калеками в уже разрушенном мире, зная, что мы не удержали свой единственный дом. Уходи, человек. Не становись вором.

В душном воздухе шахты повисло страшное, невыносимое напряжение. На чьей стороне была истина? На стороне тех, кто уже отдал всё ради подземной крепости, или на стороне того, кто пытался спасти выживших на поверхности?

Здесь не было злодеев. Были лишь две жестокие, негнущиеся правды, столкнувшиеся в узком каменном коридоре.

— Простите меня, — тихо выговорил Элиас.

Его сердце окончательно превратилось в холодный гранит. Спасение мира требовало стать палачом для праведников.

Рыцарь шагнул вперед, преодолевая сопротивление Изольды, и с силой рванул тяжелый Молот Первых с каменного постамента. Из-за стены донесся не яростный рев демонов, а горький, надрывный стон сотен сломленных людей, чей великий многовековой труд только что был уничтожен одним движением руки. Каменная кладка шахты начала рушиться, погребая под собой вековой покой мастеров.

Элиас бежал к выходу сквозь падающие обломки, крепко прижимая артефакт к груди. Он вырвался на поверхность — потрепанный, задыхающийся, с мертвым взглядом. Кровь дракона, Звездная Сфера и Молот гномов были у него. Он собрал почти всё. Но читатель, взглянув на его покрытые копотью латы, никогда бы не смог с уверенностью сказать, кто он теперь — великий спаситель или безжалостное чудовище.

Глава 6

КОРОНА И ЧЕРНИЛА

Собранные артефакты жгли руки через плотную кожу дорожных сумок. Кровь потомка дракона, Звездная Сфера эльфов, Молот гномов — Элиас стал безжалостным палачом и вором для трех рас, чтобы дойти до последней, финальной точки на карте. Человеческое королевство, его собственный родной дом, встретило рыцаря удушливой, фальшивой роскошью столицы. Здесь, за высокими белыми стенами, люди продолжали пировать, пить вино и тратить золото, пока Великая Печать на окраине мира содрогалась и трещала по всем швам.

Последний элемент мозаики — людской артефакт — находился в руках короля, которому Элиас когда-то в ранней юности присягал на верность, преклонив колено. Но когда рыцарь, годами не выходивший из своей уединенной Цитадели Воронов, наконец вошел в город, правда ударила его наотмашь. Собственный правитель оказался безумным тираном. Страна задыхалась от непомерных налогов, виселицы с телами недовольных стояли на каждой рыночной площади, а все приграничные ресурсы стягивались к дворцу с леденящей душу жестокостью. Короля вообще не волновали знамения у Разлома — он лишь сильнее сжимал в бледных, трясущихся пальцах древний Скипетр Первых.

Внутри Элиаса разверзлась бездна. Мысли путались, превращаясь в мучительный внутренний монолог, разрывающий остатки его израненной души.

«Я предал священную клятву своего ордена. Я запер эльфов в их вековой увядающей тюрьме и безжалостно разорвал святую цепь гномьих мучеников под землей. И всё ради чего? Ради вот этого? Чтобы этот упивающийся властью старик строил золотые залы на костях голодающих бедняков? Свергнуть его — значит поднять бунт, устроить переворот, утопить столицу в крови гражданской войны и потерять драгоценные дни. У меня просто нет времени на праведную революцию. Выбор очевиден, но от него тошнит. Я должен стать банальным вором. Обкрадывать своего сюзерена под покровом ночи — это подло, это низко, это окончательно уничтожает меня как рыцаря. Но этот прогнивший мир все еще стоит дороже моей чести».

Под покровом глухой безлунной ночи Элиас тайно пробрался в королевскую опочивальню. Стража на дальних подступах была бесшумно усыплена колдовством Изольды. Король спал на роскошном ложе, но Скипетр Первых не лежал рядом — он был прикован к его запястью тяжелой кованой цепью.

Рыцарь замер над кроватью правителя, и в этот момент его душу пронзило новое, страшное осознание. На бледной, почти прозрачной коже монарха проступали черные, пульсирующие вены, уродливой паутиной уходящие прямо под ме-

талл артефакта. На массивном дубовом столе рядом с кроватью грудами лежали бесконечные указы о казнях, конфискациях и налогах. **Чернила и сталь**королевского пера заставили всю страну страдать, но на самом деле старик на ложе не принадлежал себе. Скипетр Первых буквально высасывал из него волю и жизненные силы, капля за каплей превращая тело в иссохшую мумию, и заставляя совершать жестокость ради удержания ресурсов.

В голове Элиаса встал страшный, неразрешимый вопрос, окончательно сжигающий его разум: это артефакт служил королю или сам король стал безвольным, замученным рабом древнего артефакта? Вся тирания властителя была лишь следствием темной, прагматичной воли магического предмета, который стягивал все силы королевства в один кулак, готовя людей к неизбежной финальной битве. Король закрывал собой прорыв, сгорая заживо ради подданных, которые его искренне проклинали. Забрать Скипетр означало разрушить этот последний бастион и обречь страну на хаос безвластия.

Элиас зажмурился, глуша внутри себя последние крупицы жалости и сомнений. Назад дороги не было, цепь его грехов должна быть замкнута. Спасение человечества требовало абсолютной, звенящей безжалостности.

Рыцарь резко выхватил боевой кинжал. Острая, идеально заточенная **сталь**оружия тускло блеснула в полумраке опочивальни, одним тяжелым ударом перерубая магические

оковы цепи. Скипетр Первых оказался в его руках. В ту же секунду из разорванных черных вен на запястье короля брызнула темная, густая, похожая на чернила жидкость. Монарх распахнул слепые глаза, испустил последний, долгий и облегченный вздох, после чего мгновенно иссох, превратившись в безжизненный прах прямо на шелковых простынях.

Элиас бережно спрятал последний людской артефакт в сумку к остальным. За окнами дворца уже поднимался первый панический крик — со смертью короля древние защитные чары города испарились, открывая столицу ветрам. Впереди оставался только Разлом и финальный ритуал. Рыцарь собрал всё, но на его совести теперь лежал самый уродливый грех — грех воровства и убийства собственного короля.

Глава 7

ПРОРЫВ СКВОЗЬ ИЛЛЮЗИИ ГРЕХА

Земля горела. Разлом близко. Воздух удушливый, горький. Пепел летел в лицо. Здесь правила Тьма. Земли вокруг Разлома — сплошной кошмар. Иллюзии плавились на горизонте. Реальность трещала. В ушах стоял гул. Из тумана лезли тени. Тысячи глаз. Твари Хаоса скалились из каждой щели. Пахло гнилью и сырым мясом. Демоны знали: рыцарь идет. Все артефакты у него. Гонка началась. Время пошло на секунды.

Бежать. Только вперед. Шаг. Еще шаг. Доспехи тяжелые, как свинец. Дыхание разрывало легкие. Сердце стучало в зубах. Вокруг визжали твари. Длинные когти рвали наплечники. Элиас отбивался вслепую. Сталь звенела без умолку. Слева мелькали чудовища. Справа — серый туман.

Вдруг мир перевернулся. Иллюзия накрыла с головой.

Туман сгустился. Из него вышли они. Калека-дракон с окровавленной рукой. Увядающие эльфы с пустыми глазницами. Проклинающие гномы из шахт. Умерший король в черных венах. Тьма материализовала все грехи Элиаса. Каждое предательство. Каждую украденную жизнь. Призраки молчали. Они просто шли на него. Рыцарь закричал. Закрыл глаза. Страх парализовал тело. Это не сон. Это Хаос выжигал его разум изнутри.

— Элиас! Назад! — резкий крик.

Изольда. Ведьма была рядом. Ее магия жгла тварей. **Густое янтарное пламя** срывалось с ее пальцев — теплый, защитный цвет верности окутывал рыцаря. Она закрывала его спину. Они пробивались вместе. Почти дошли. До Печати остался один холм.

Но Хаос не отпускал. Земля качнулась. Иллюзия ударила снова. С новой силой. Самой страшной.

Взгляд Изольды изменился. В одну секунду спасительный янтарь ее чар помутнел. Вспыхнул **ядовитым, фосфорным ослепительно-зеленым светом**. Тьма проникла в ее голову. Она не выдержала. Иллюзии Хаоса заставили ее увидеть в Элиасе монстра. Радужка ее глаз мгновенно выцвела, став **грязно-белой, как бельма покойника**, — цвет абсолютной потери себя. Слова здесь были не нужны. Цвет кричал о безумии, охватившем её разум.

Ведьма зашипела. Набросилась на него. **Зеленые сполохи** безумной магии рванули горловину его доспехов. Твоя спутница стала твоим палачом. Друг пошел на друга. Безжалостно. Наотмашь.

— Изольда, стой! — хрипел рыцарь.

Бесполезно. Она не слышала. **Едкие изумрудные молнии** жгли его латы. Металл плавился. Смерть дышала в лицо. Элиас задыхался от боли и ужаса. Выбора не было. Либо она, либо Печать. Либо весь мир рухнет прямо сейчас.

Один взмах. Короткий. Точный. Яростный.

Сталь меча пробила грудь ведьмы. Изольда замерла. В ту же секунду бешеное зеленое пламя вокруг ее рук мгновенно погасло. По ее коже побежала **серая, безжизненная бледность пепла**. А в глазах мертвенно-белый цвет безумия резко уступил место **глубокой, чистой и прозрачной черноте**. Она снова все вспомнила. Поняла. Простила. Цвет не лгал — Тьма отступила, оставив лишь пустоту увядания.

Изольда упала на колени. Затем на пепел. Беззвучно.

Элиас остался один. Совсем один. На руках — кровь последнего друга. Последней живой души, которая знала его настоящую цену.

Он поднялся на холм. Потрепанный. Раненый. Пустой внутри. Перед ним зияла Бездна. Разлом содрогался. Великая Печать рушилась. Рыцарь вышел к ней. В его сумке лежали все артефакты, но его сердце было мертво. Назавтра — финальный ритуал. Назавтра — конец.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.